

Монголия в поисках новой стратегии безопасности

Батсайхан Авирмед

Исчезновение Советского Союза, трансформация биполярной системы международных отношений и политические процессы в странах бывшего социалистического лагеря 90-х годов приводят к изменению национальных стратегий этих стран и новым геополитическим ориентациям.

Интересна в этом контексте Монголия, историческая судьба которой тесно связана с Россией.

Прежде всего следует отметить роль России/СССР в обретении Монголией своей государственности в начале XX столетия, а в последующем в поддержке становления ее суверенитета, экономического и культурного развития¹. С другой стороны, Монголия попала под “опеку” Советского Союза, которая хотя и приносила ей определенную выгоду, но фактически привязывала ее к внешнеполитической стратегии одной сверхдержавы и в этом плане делала ее зависимой от нее.

Страна играла в прошлом роль геополитического “буфера” в отношениях Российской империи и СССР с Китаем.

Указанные обстоятельства оказали влияние на формирование внешнеполитического курса Монголии после распада СССР и соцлагеря.

В постсоциалистический период перед Монголией встал вопрос о гарантиях безопасности. Причем решение этого вопроса у Монголии принципиально отличалось от подходов стран ЦВЕ, например Польши, такого же ближайшего и давнего исторического соседа России. Страны ЦВЕ посчитали, что их безопасность может обеспечить только НАТО, причем такая ориентация определялась страхами времен “холодной” войны, но не реальной ситуацией в Европе.

Распад Советского Союза коренным образом изменил международные позиции Монголии. Монголия получа-

ет возможность самостоятельно определять свой внешнеполитический курс и международные связи. Иной стала и международная обстановка на границах Монголии.

Появление рядом с Монголией новых центральноазиатских независимых государств предоставляет стране возможность выхода во внешний мир, минуя Россию и Китай.

Следствием окончания “холодной” войны явился и развал стратегического треугольника: СССР – США – КНР, в прошлом делавшего Монголию геополитическим “заложником” противостояния трех сверхдержав². Это соответ-

ствующим образом сказались и на монголо-российских и монголо-китайских отношениях. Монголо-российские и монголо-китайские отношения находятся ныне в процессе формирования их места в региональной структуре и повышения эффективности, чему всемерно содействует внешнеполитическая и дипломатическая деятельность монгольского государства на российском и китайском направлениях.

В частности, в 1996 г. в Пекине тремя сторонами был подписан протокол об установлении границ на стыках западных и восточных участков границ России, Монголии и Китая, то есть впервые были установлены и закреплены пункты на пограничных стыках.

Для России через Монголию лежит путь к установлению сбалансированных отношений с Китаем, который объективно заинтересован в постоянном российском присутствии в Монголии, так как это является сдерживающим фактором для значительного расширения влияния США, Японии и других государств в этом регионе. Причем сохранение позиции России в Монголии отвечает не только ее, но и региональным, даже общемировым интересам, содействуя стабилизации положения и в АТР в целом.

Улучшение же российско-китайских и, в определенной степени и на какое-то время, российско-американских отношений положительно сказалось на геополитическом и геоэкономическом положении Монголии.

Стоит напомнить, что в период между 1952 и 1962 гг. – десятилетие более или менее дружественных отношений между СССР и КНР – Монголия получила немало выгод от взаимного сотрудничества с ее соседями, пока те не вступили в полосу идеологического и геополитического противостояния.

Монголия никогда не исключала возможности восстановления нормаль-

ных добрососедских отношений с Китаем.

В программе действий нового монгольского правительства (декабрь 1990 г.) было зафиксировано, что Монголия “будет проводить внешнюю политику, направленную на расширение эффективного сотрудничества с КНР в торговой, экономической, культурной и научно-технической областях”.

Теперь восстановление нормальных китайско-российских отношений можно рассматривать как фактор, открывающий перед Монголией новые и благоприятные для ее безопасности и развития возможности.

В Концепции национальной безопасности Монголии указывается, что Монголия придает первостепенное значение отношениям с двумя соседними странами. Имелось в виду, что будет проводиться политика укрепления взаимного доверия с обоими государствами и всемерного развития с ними дружественных, добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества.

Практические вопросы развития монголо-китайских отношений были весьма детально оговорены во время официального визита в Улан-Батор Председателя КНР Ян Шанькуня в 1992 г. и ответной поездки в Пекин Президента Монголии П.Очирбата и премьер-министра Монголии Д.Бямбасурэна, имевших большое значение для открытия нового этапа в развитии отношений двух исторических соседей.

Во время встреч Монголия и Китай заверили друг друга во взаимном признании государственного суверенитета (для монгольской стороны это имело принципиальное значение), невмешательства во внутренние дела и уважении целостности их территорий.

Для нормализации отношений между двумя странами важную роль сыграл и вывод по инициативе Москвы советских войск с территории Монголии.

Результаты восстановления нормальных отношений и их уровень зафиксирован в Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР, подписанном в Улан-Баторе во время пребывания там правительственной делегации КНР во главе с премьером Ли Пэнном (апрель 1994 г.). По словам китайского премьера, КНР не будет чинить препятствия Монголии в установлении ее отношений с другими государствами, а между “КНР и Монголией нет больше нерешенных проблем”¹. Новый договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР заключен на бессрочной основе.

В то же время у Монголии могут по-прежнему сохраняться прежние опасения в отношении южного соседа, стимулируемые усилением его экономической и военной мощи и идеями о воссоздании “Великого Китая”³ в существовавших ранее границах.

Остается проблема незаконной миграции китайцев в Монголию и их “оседания”, что сопровождается скупкой недвижимости и т.д. Усиливается экономическая зависимость Улан-Батора от Китая, прежде всего по основным продуктам питания. В свою очередь Пекин “ревниво” относится к расширению связей Монголии с США, НАТО и Японией.

Поэтому вполне закономерно, что Монголия, считая отношения с Россией и Китаем приоритетными для своей внешней политики, стремится нейтрализовать потенциальные последствия прежней своей прочной политической и экономической привязки к своим великим соседям и использовать предоставленный ей историей шанс для развития отношений с географически более удаленными и не менее сильными партнерами.

Учитывая фактическое отсутствие эффективной национальной и/или ре-

гиональной системы безопасности, угрозой Монголии является локальная напряженность, возникающая на ряде территорий китайских и центральноазиатских районов, примыкающих к Монголии или близких от нее. У Монголии нет возможности обезопасить себя от вовлеченности в подобные конфликты, включая этнические и религиозные волнения, наплыв в страну беженцев. Очевидно, Монголии не хватает политических, экономических и военных средств, чтобы защитить себя или оказать влияние на конфликтующие стороны. Поэтому Монголия, с одной стороны, надеется на Москву и Пекин, а с другой – на помощь и поддержку других стран.

В отличие от того исторического периода, когда судьба Монголии определялась развитием российско-китайских, а затем советско-китайских отношений, в настоящее время в монгольских делах фактор третьей стороны¹ в лице США, Японии и других западных стран значительно возрастает. Можно сказать, что “геополитическая мечта” монголов вырваться из дружественных или не очень дружественных объятий своих “ревнующих” друг к другу и к Монголии ближайших соседей и иметь третьего партнера становится реальностью.

Понятно и оправдано, почему монголы хотят иметь третьего партнера. Сама ситуация развития многополярности мира объективно предоставляет такую возможность. Улан-Батор считает, что наличие сильного третьего партнера было бы существенно важным противовесом в отношениях Монголии с ее непосредственными соседями.

Монголия знает на своем историческом опыте, что существование лишь между двумя конкурирующими сверхдержавами может быть фатальным для любого периферийного государства,

игравшего роль геополитического буфера, поскольку это может означать союз с одним и отчуждение от другого или что страна может стать полем столкновения двух соседних государств.

Возможно, Монголия больше, чем какая-либо другая страна, испытывала негативные последствия такого положения в прошлом, когда она стала периферией сначала одной, а затем другой империи.

В настоящее время Монголия уже фактически приобрела или находится в процессе обретения важного для нее третьего партнера, но не одного государства. Это – диверсификация ее внешних связей как таковых, то есть развитие связей с целым рядом государств: Японией и Южной Кореей, Германией и США и др., а также международными финансовыми и экономическими институтами: Мировым банком, МВФ, Азиатским банком развития и др.

Такой подход позволяет Монголии проводить сбалансированную в экономическом и геополитическом отношении политику, но не против кого-либо, а во имя национальных интересов.

Тот факт, что “третий партнер” является коллективным, а его интересы в основном сосредоточены на получении доступа к природным ресурсам Монголии и экономической выгоды, оставляет как бы за скобками безопасность государства, собственные возможности которого весьма ограничены. И это в то время, когда рядом две великие державы и проблемные в плане стабильности регионы, а субъекты “коллективного партнера” имеют или могут иметь расходящиеся геополитические интересы. Кроме того, монгольское общество еще не преодолело свой страх перед Китаем, а вывод советских войск хотя бы формально ставит вопрос о защите границ страны. Отсутствие тех гаран-

тий безопасности, которые предоставлял СССР, создает внутреннее чувство уязвимости.

Таким образом, “третий” партнер пока не стал гарантией надежной безопасности, а если когда-то он сможет формально реализоваться, то во всех случаях этот “третий партнер” не обойдется без согласования своих действий с соседями Монголии.

Другими словами, Россия и Китай и российско-китайские отношения продолжают оставаться важным фактором, влияющим на безопасность и развитие Монголии. Более того, по большому счету, эти соседи все-таки привычнее, а если говорить о России – надежнее и проверенные на практике в плане человеческих контактов, которые в определенной степени сохраняются и в настоящее время.

Безусловно, в интересах Монголии, чтобы китайско-российское сотрудничество в сфере безопасности было успешным, прежде всего, в восточно-азиатском регионе, а также в Центральной Азии. Со своей стороны, Монголия готова присоединиться к любым усилиям, направленным на поддержание региональной стабильности.

В любом случае, пример Монголии свидетельствует, что эта страна нашла свою собственную модель безопасности, построенную не на оппозиции к своей бывшей “метрополю”, а на балансе и совпадении интересов с ней и другими странами. В этом плане национальная стратегия Монголии принципиально отличается от стратегий некоторых постсоциалистических стран на западной периферии Российской Федерации.

Форсированная интеграция стран Центральной Европы в политические, военные и экономические структуры Запада формирует вызовы европейской безопасности и представляет собой ос-

новную проблему в процессе формирования новой европейской идентичности, в том числе в контексте отношений ЕС и России.

Это связано с существенной трансформацией ЕС и НАТО количественно и качественно за счет стран Центральной Европы.

Политическая ответственность за современный этап европейского процесса лежит, прежде всего, на государствах Западной Европы. Они инициировали или дали согласие на “возвращение” бывших стран соцлагеря в европейское лоно. Они же являются экономическими гарантами этого этапа. В свою очередь, от самих стран и народов Центральной Европы зависит, как они преодолеют свои комплексы и сохранят ли они свою идентичность при интеграции в ЕС и НАТО.

Польша и некоторые другие страны ЦВЕ в своей политике безопасности делают ставку на США, что не способствует европейской консолидации. С другой стороны, силовая политика Вашингтона усиливает антиамериканские настроения на европейском континенте.

После исчезновения с политической карты СССР страны ЦВЕ – не без помощи Запада – находят для себя новую “угрозу” в лице Российской Федерации. Хотя это мнимая угроза, но она мобилизует националистические настроения, которые, по сути, блокируют европейский процесс в его культурно-ценной части. И в этом плане для западной демократии проблемой остается именно восточная периферия Европы, где не без участия Вашингтона фобии остаются значимым фактором политического процесса.

По мнению специалистов, “парадокс состоял в том, что, отправляясь в поход за

обретение европейской идентичности, страны ЦВЕ обрели ... идентичность не столько европейскую, сколько атлантическую”¹⁴.

Более того, если практически все участники нового этапа расширения Европы через вступление в НАТО или ЕС ожидали, что вхождение стран ЦВЕ вызовет определенные опасения со стороны принимающих и тех, кто (прежде всего, России) останется за границами расширенной Европы, то “вряд ли кто мог полагать, что вступившие или еще только намеревающиеся вступить в тот или другой союз государств ЦВЕ могут быть с ходу использованы в качестве инструмента противостояния между противоборствующими группировками внутри НАТО и ЕС, могут изменить сложившуюся в них конфигурацию сил”¹⁴.

Ситуация вокруг расширения НАТО на Восток свидетельствовала о сохранении стереотипов не только “холодной” войны, но и исторических страхов стран Центральной и Западной Европы в отношении реальной и мифической угрозы с Востока. Тем более что во внутривнутриполитической конъюнктуре стран Центральной Европы традиционного разыгрывалась российская карта.

Для создания приемлемой для Европы геополитической ситуации необходимо для всех заинтересованных стран, включая Россию и постсоветские республики установление баланса политических факторов и фактора региональной безопасности, что и создало бы условия для ускорения процесса распространения и внедрения демократических ценностей в постсоциалистических странах. Сохранение же атмосферы “холодной” войны и попытки постоянно в чем-то обвинять Россию или предъявлять ей претензии только препятствует указанному процессу, играет на руку “ястребам” из политических и военных кругов.

Безусловно, что в современных монголо-российских отношениях есть свои проблемы.

В 90-е годы эти отношения переживали период упадка, но и одновременно переоценки прежнего опыта.

В России, точнее в Москве, как бы забыли о Монголии, а в Монголии можно было наблюдать некоторые националистические выпады радикальных кругов общественности.

“Правда, – как отмечает известный монголовед С.Г.Лузянин, – русофобия быстро прошла, так как традиционно монголы ... всегда относились и относятся к России и русским с большой теплотой и дружелюбием”².

Сложнее обстоит дело с развитием экономических связей. Здесь одних политических усилий не достаточно. Во многом перспектива этих связей зависит от развития восточных регионов России – это дело времени. Но в Монголии русских по хорошему помнят и ждут.

Примечания

¹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М., 2002. С. 70, 77–94, 179.

² Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. М., 2007. С. 385.

³ Волохова А.А. Основы китайской дипломатии. М., 2007. С. 120–145.

⁴ Давыдов Ю.П. Новый атлантизм против старого европеизма // Европейская безопасность. 2003. № 8. С. 9.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**